

Рамеш Балсекар
Дуэт Единого

Глава 1

Есть один древний трактат на санскрите, который некоторые ученые считают старше Бхагавад Гиты. Он называется Аштавакра Гита и содержит диалог между мудрецом Аштавакрой и его учеником, царем Джанакой. Этот диалог дает потрясающий образец божественного элемента, присутствующего в отношениях между реализованным гуру и в высшей степени "созревшим" учеником, то есть тем, кто ждет лишь той единственной мгновенной искры в виде интуитивного проникновения в Истину, которая дает внезапное просветление. В то же время Аштавакра Гита дает поразительно прямую, позитивную и четкую экзегезу (толкование) доктрины недUALности, возможно, лучшую, из всех когда-либо сделанных.

Аштавакра Гита не так широко известна, как Бхагавад Гита по той самой причине, что она настолько недвусмысленна и ясна, что не поддается измышлениям и искажениям со стороны комментаторов, необходимых для того, чтобы оправдать и обосновать свои собственные философские предубеждения и духовные склонности. Она содержит в высшей степени авторитетные заявления и ясные утверждения, настолько явно основанные на интуитивном опыте и убеждении, что они отрицают и полностью отвергают любые попытки хитроумного толкования или интеллектуальной акробатики. Этот сравнительно небольшой трактат, компактный и прекрасно изложенный, содержит около 300 двустрочных стихов, отражающих Истину, всю Истину и ничего кроме Истины.

Мудрец Аштавакра был назван так из-за того, что у него в теле было восемь дефектов, или изгибов.

Существуют различные объяснения насчет этих дефектов. Одна легенда гласит, что когда Аштавакра был еще в утробе матери, его отец ежедневно декламировал Веды, а Аштавакра слушал их. Отец, будучи праведным и набожным человек, был далек от учености и поэтому совершал множество ошибок в чтении. Аштавакра был уже настолько высоко развит в духовном плане, что не мог слушать Веды с такими ужасными искажениями и от этого он извивался в утробе матери. В результате в восьми местах его тело оказалось деформированным.

В "Махабхарате" есть и другая легенда, гласящая, что отец Аштавакры, Кахор, часто читал Веды своей жене Суджате, когда у нее в утробе был ребенок. Однажды младенец неожиданно закричал: "Смилуйся, мой дорогой отец, я изучил все Веды, и мне так жаль, что ты совершаешь ошибки в произношении". Кахор, будучи великим ученым (согласно данной версии этой легенды), прославившимся своей ученостью, не мог вынести такого оскорбления от своего неродившегося еще ребенка и наслал на него проклятие родиться в восемью дефектами в теле, и так родился Аштавакра, "имеющий восемь изгибов".

Далее легенда повествует о том, как отец Аштавакры, Кахор, отправился по какому-то делу во дворец к царю Джанаке, и там его попросили принять участие в споре на духовные темы с придворным ученым по имени Вандин, который был сыном царя Варуны. Кахор проиграл спор и был сослан в преисподнюю в качестве священнослужителя в процессе жертвоприношения, совершенного Варуной. Когда Аштавакре исполнилось двенадцать лет, он услышал о бедственном положении своего отца и отправился во дворец царя Джанаки принять участие в общих дебатах, участвовать в которых были приглашены самые знаменитые ученые. Аштавакре нелегко было пробраться во дворец, но в конце концов ему удалось это сделать. Когда ученое собрание увидело ковыляющего Аштавакру, все принялись смеяться. Даже добрый и набожный царь Джанака не смог сдержать улыбки, но его веселость сменилась изумлением, когда он

увидел, что молодой Аштавакра смеется чуть ли не громче всех. Царь повернулся к калеке и сказал: "Молодой человек, я могу понять, почему смеются другие, но ника не могу понять причину вашего смеха". Аштавакра сразу же стал серьезным и ответил, что он смеялся по той причине, что не понимал, как царь может надеяться найти Истину в компании сапожников. Теперь уже царь рассердился и потребовал, чтобы Аштавакра объяснился. Юноша ответил не менее серьезным тоном ответил: "Все очень просто, Ваше Величество. Все эти достопочтенные гости ничем не лучше сапожников, ибо не видят дальше кожной поверхности. Они не в состоянии увидеть Присутствие внутри физического тела. Если разбивается глиняный горшок, разбивается ли пространство внутри него? Если горшок получается кривобоким, становится ли таким же пространство внутри него? Мое тело может быть искалечено, но Я бесконечно и безгранично". Царь, который уже достиг каких-то успехов на духовном пути, сразу же понял, что Аштавакра является полностью реализованной душой, и на следующий же день, по его просьбе, Аштавакра принял его в качестве своего ученика.

Эту историю об Аштавакре, подобно другим легендам, посвященным святым, мудрецам и пророкам, не нужно воспринимать буквально. Нетрудно увидеть ее истинное значение, как это бывает и в случае с подобными историями о других мудрецах и пророках, таких как Будда, Лао Цзы или Заратуштра. В случае с Аштавакрой, деформация тела в восьми местах может намекать на восьмиричный путь Йоги. Аштавакра заявляет, что для просветления на самом деле не требуются какие-либо практики и тренировки тела или ума. Просветление может быть внезапным и может произойти в долю секунды как только наступает ясное осознание (не просто интеллектуальное понимание), что никогда никакой связанности ни для кого не было, что свобода всегда была присуща человеку с рождения.

Так, существует легенда, гласящая, что Будда родился, сразу встав на ноги, то есть его мать произвела его на свет стоя. Вместо того, чтобы упасть, он сделал семь шагов, затем - восьмой, после чего остановился и произнес свои четыре благородные истины: самсара означает несчастье; существует возможность преодолеть несчастье; есть путь к преодолению несчастья; состояние счастья - это нирвана.

В случае с Заратуштрой говорится о том, что в отличие от любого другого новорожденного, он испустил не плач, а громко засмеялся, так как он считал, что жизнь предназначена для того, чтобы ею наслаждаться (и не делать других несчастными). "Добрые мысли, добрые слова, добрые дела" - вот суть его учения. Его религия является единственной, в которой пост, как правило, не только не рекомендуется, но даже запрещается.

Считается, что когда родился Лао Цзы, ему было уже восемьдесят лет. Смысл данной легенды явно не в том, что он пробыл в утробе матери на протяжении 80 лет, а в том, что он был зачат в мудрости и появился на свет мудрым - и ленивым! Его учение, поразительно напоминающее учение Нисаргадатты Махараджа, не включало в себя каких-либо практик. Он утверждал, что нет ни цели, ни пути, и что глубокое и ясное понимание совершенства Того-Что-Есть не требует восьмидесяти лет для своего осуществления, а, напротив, может принести внезапное и мгновенное просветление.

По этой причине многие религиозные мифы и легенды не нужно принимать буквально. Они должны передавать значение того или иного учения быстрым и наглядным образом, передавать тот факт, что семя содержит потенциал, который в нем не видим. Действительно, тем, кто увидели кого-то как "семя", младенцем или юношей, потом уже трудно принять этого же человека как мудреца. Вы не раз услышите: "Поверь мне, я знаю его с детства, и в нем не было ничего от мудреца или святого". В течение многих лет

Рамана Махарши, мудрец Аруначалы в Южной Индии, оставался в пещере в полном одиночестве, и его семья уже прекратила все поиски. Затем, когда его местонахождение стало известно, были предприняты попытки вернуть его домой, но тщетно. В конце концов, когда его собственная мать пришла к нему и попросила вернуться домой вместе с ней, он был вынужден сказать ей, что больше не является тем человеком, который ушел когда-то из дома, что тот человек больше не существует.

Диалог между Аштавакрой и Джанакой начинается с вопроса:

"Как можно приобрести знание? Как можно достичь освобождения? Как происходит отречение?" (1)

Уже самый первый вопрос ученика имеет для гуру невероятно большое значение. Он говорит ему об общем уровне и степени обусловленности ученика. Он показывает, на каком этапе духовной эволюции ученик находится в данный момент. Что он на самом деле ищет? Это интересует гуру больше всего, ибо от этого зависят его ответы и советы. Когда я впервые встретился с Нисаргадаттой Махараджем, он спросил меня, что я хочу от него. Я ответил: "Меня не интересуют счастье и несчастье в этом или каком-либо другом мире. Я хочу узнать от вас ту Истину, ту неизменную Истину, которая всегда существовала и всегда будет существовать, независимо от пророков и религий". Махарадж какое-то время пристально смотрел на меня, затем улыбнулся и сменил тему разговора. К тому времени в комнате начали собираться другие люди, и обычная беседа должна была вот-вот начаться.

Определенное замешательство и непонимание рождается из-за того, что не всегда помнится важный момент, связанный с тем, насколько ответ гуру является существенным. Гуру на самом деле не слишком заботит ответ на вопрос как таковой. В действительности гуру интересует обусловленность, являющаяся причиной страданий ученика, и вопросы ученика как раз и показывают эту обусловленность. Прежде всего гуру интересует устранение этой обусловленности. Ученик же изначально заинтересован в "приобретении" знания как такового на интеллектуальном уровне. Гуру прекрасно осознает, что не существует такой вещи, как "неведение", которую можно было бы устранить приобретением знания. Он знает, что каждый индивидуум - это вселенское Сознание, отождествившееся с индивидуальным организмом тела-ума, и что такое отождествление и есть то самое неведение, о котором говорит ученик. Ученик думает, что именно приобретение знания избавит его от неведения, но гуру знает, что неведение само по себе есть результат такого позитивного (positive) действия, как отождествление. Любое последующее позитивное действие со стороны иллюзорного индивидуума, такое как духовная практика или дисциплина, лишь усилит отождествление. Поэтому гуру должен действовать осторожно, но решительно, направляя ученика таким образом, чтобы тот нашел (или думал, что нашел) ответ самостоятельно.

Поразительно яркий пример этого явления содержится в диалоге между Аштавакрой, гуру, и его зрелым учеником, царем Джанакой. Из того, что царь созвал собрание самых мудрых и самых знающих ученых для обсуждения духовных вопросов, ясно, что сам царь не был новичком в таких вопросах духовности, хотя, возможно, испытывал определенное замешательство под воздействием различных, часто противоположных, взглядов и мнений в данной области. В то же время, Аштавакра, по-видимому, был тронут той искренностью, с какой Джанака стремился получить его духовное руководство, его смирением и самым его главным вопросом. Джанаку не интересовало предстоящее развлечение в виде дебатов между учеными мужами. Не интересовал его и вопрос о грехе и добродетели, аде и рае. Его глубоко интересовал вопрос о том, как можно достичь освобождения. Он понимал,

что никакого освобождения без свободы от страстей быть не может, поэтому его следующий вопрос относится к обретению бесстрастности.

Ответ Аштавакры таков:

"Дитя мое, если ты стремишься к освобождению, избегай объектов чувств как яда и стремись к прощению, искренности, доброте, удовлетворенности и истине так, как ты бы стремился к обретению нектара". (2)

Необходимо уделить должное внимание этому ясному и прямому ответу, который дает гуру на ясный и прямой вопрос ученика. Во-первых, Аштавакра мог разбить вопрос ученика на части и тщательно проанализировать, что же он имел в виду под каждым словом. И гуру мог действительно прибегнуть к такому подходу на определенной стадии отношений с учеником, но в самом начале более важно заложить основу для будущих благотворных отношений. Гуру начинает свой ответ со слов "Дитя мое". Эти два слова во многом очень важны. Они дают ученику недвусмысленно понять, что гуру принял его всем сердцем. Они также призывают его к тому, чтобы быть открытым и искренним для продолжения беседы. И в то же время они указывают на то, что ему многому нужно учиться и, следовательно, он должен быть готов отдать учебе полное и глубочайшее внимание.

Наверное, Аштавакра испытывал сильно искушение спросить его: "Кто задает этот вопрос? Кто желает знать?" Но он сдерживается и дает ответ, который должен удовлетворить ученика на данном этапе развития. Вы увидите как из этого упрощения вопроса (то есть, указания Джанаке на то, что он должен культивировать определенные "добродетели") Аштавакра поразительно быстро переносит своего зрелого ученика с начального этапа на конечную стадию, где Джанака получает интуитивное переживание своей субъективной тождественности. И тогда Джанака восклицает: "Где индивидуум? Где вопрос о связанности и освобождении? Где гуру и где ученик?"!

Уже в самых первых словах Аштавакра дает удивительно простую формулу для обретения счастья в этом мире. Счастье является важным фактором, ибо если вы несчастны в этом мире, невозможно достичь "освобождения". На самом деле, различные качества или добродетели, которые он перечислил, ведут к Истине по нарастающей. Аштавакра говорит своему интеллектуально развитому ученику, что корень всех проблем, то, что мешает увидеть Истину - это "желание". Позже он покажет, что желание в любой форме является единственным препятствием, даже если это желание относится к освобождению! Основой желания освобождения является неведение относительно Истины того, что никакой связанности, освобождения от которого можно было бы желать, никогда не было. Связанность - это концепция и, следовательно, освобождение - это также концепция.

Затем Аштавакра продолжил свой ответ:

"Ты не являешься ни землей, ни водой, ни огнем, ни воздухом, ни пространством. Ты есть свидетель этих пяти элементов в качестве Сознания. Понимание этого и есть освобождение". (3)

Установив прочные рабочие отношения со своим учеником, Аштавакра быстро подходит к сути своего учения в этом стихе, и сразу же переходит к следующему, в котором наносит ученику удар посредством комбинации "один-два", которая сразила бы наповал

ученика меньшего калибра! Но Аштавакра точно рассчитал уровень своего ученика. Он говорит:

"Если ты отречешься от отождествления с телом и пребудешь в Сознании как Сознание, ты в тот же самый момент ты будешь счастлив, полон покоя и свободен от связанности".
(4)

В этих словах - вся суть учения. Остальная часть диалога - лишь пояснение к этой главной истине. Эти два стиха могли повергнуть Дажанку в состояние духовного шока, на что, собственно, мудрец, в качестве его гуру, и рассчитывал. Он, должно быть, увидел, что Джанак находится на такой стадии духовного развития, когда в нем образовался некий блок (block), который может быть устранен лишь при помощи мощного взрыва. Результат такого постоянного приложения усилий для осуществления взрыва вскоре будет виден во внезапной трансформации, которая произойдет в ученике в конце этих начальных наставлений.

В этих двух стихах присутствуют определенные слова, которые имеют чрезвычайное значение в отношении к внезапному просветлению, которое происходит через простое понимание, не требующее каких-либо усилий. Аштавакра заявляет в этих двух стихах:

а) Ты не есть это тело, состоящее из пяти элементов. Ты есть то Сознание, которое создало это инертное тело, обладающее способностью чувствовать, которая заставляет чувства функционировать по отношению к своим объектам. Именно эта способность чувствовать и обеспечивает работу психосоматического аппарата как единого целого.

б) Предчувствуя дальнейший вопрос от своего интеллектуально развитого ученика, гуру далее говорит ему: "Ты" есть не физический организм, а Сознание, которое действует не как некто, руководящий функциями этого физического организма, а лишь как наблюдающий это функционирование.

в) Ты ошибочно отождествил себя с телом в качестве индивидуума, исполнителя всех действий, происходящих через данный физический организм и, таким образом, берешь на себя ответственность за происходящие действия, а, следовательно, и связанность, от которой ищешь освобождения.

г) Наблюдающий не может быть исполнителем и, следовательно, ты не тот, кто действует. Обладая этим пониманием, ты можешь отказаться от ложного отождествления с телом. И делая так, ты автоматически принимаешь свое истинное положение наблюдающего и пребываешь свободным от напряжения (ибо нет больше ответственности за действия) в Сознании, и как Сознание.

д) Подобно тому, как солнечный свет делает воспринимаемыми предметы, находящиеся в комнате, но при этом сам остается незатронутым тем, что с ними происходит, так и все феноменальные объекты возникают в Сознании, воспринимаются и познаются Сознанием посредством чувствующих объектов, но само Сознание не вовлекается в то, что происходит с феноменальными объектами, включая человеческие существа. Сознание - истинное "Я" - просто наблюдает все события как в сновидении.

е) Состояние растождествленности с телом - это состояние наблюдения (когда индивидуальное "я" отсутствует). И это состояние обособленного наблюдения и является в действительности состоянием освобождения. Это и есть то, что реализованный гуру имеет в виду, когда говорит, что, когда вы пребываете в расслабленном состоянии в

Сознании (без отождествления с телом), состояние освобождения является внезапным и непосредственным.

ж) Основой данной концепции внезапного просветления является понимание того, что не может быть никакого индивидуума как такового, ибо все, что есть - это Сознание, в котором и возникает тотальность этого феноменального проявления, включая индивидуальные человеческие существа. Предполагаемый индивидуум никогда не был подвержен связанности. Он думает, что он связан лишь по той причине, что он забыл свою изначальную природу Сознания-наблюдающего и по ошибке отождествил себя с физическим телом.

Слова "пребывать в расслабленном состоянии в Сознании" составляют саму основу учения Аштавакры. Он не предписывает какие-то суровые практики или дисциплину. Все, что необходимо для того, чтобы просветление произошло - это ясное постижение, но относящееся совсем к другому измерению, нежели простое интеллектуальное понимание. Интеллектуальное понимание дает убежденность в том, что понимается, интуитивное же постижение основано на вере. Интеллектуальное понимание - убежденность - основано на аргументации, логике, усилении и конфликте. Интуитивное постижение - вера - основано на некоей неминуемой неизбежности, расслабленном принятии того, Что-Есть, абсолютно свободном от каких-либо сомнений или мнений.

На этой стадии Аштавакра хочет, чтобы Джанака принял его учение на веру, и он не выдвигает никаких аргументов в поддержку своих слов. "Вера" не означает обязательно конфликт с рассудком или замену ему. Вера просто означает, что вы не исключаете определенные уровни реальности, находящиеся за уровнем чисто чувственного восприятия. Вера - это сила, способная вызвать спонтанное постижение истины. Вера интуитивно узнает звучание Истины и раскрывает "глаз сердца" для ее постижения.

Полное уверенности заявление Ашиавакры о том, что просветление произойдет "в этот самый момент" ясно означает "этот настоящий момент, являющийся вечным моментом", когда уму и его концептуализированию положен полный конец. Поскольку он знает, что его ученик на данной стадии говорит с уровня тела-ума, в качестве индивидуума, он заявляет "ты будешь в тот же самый момент счастлив, полон покоя и свободен от связанности", ибо это именно то, к чему тот стремится. Он имеет в виду, что как только произойдет растождествление с телом, индивидуальное "я" (эго) исчезнет, и будет достигнута стадия, когда "я" не сможет больше существовать в противовес "другим". Это стадия, на которой страх и конфликт полностью отсутствуют - другими словами, это стадия счастья, покоя, свободы от связанности. И действительно, в конце начального этапа учения Аштавакры, описываемого первыми двадцатью стихами, его преданный ученик оказывается настолько шокирован, что оставляет самодовольное благодушие своей индивидуальности и, достигнув истинного субъективного переживания единства, изливает свои чувства песней духовной независимости. Аштавакра же продолжает:

"Ты не принадлежишь ни к одной касте, например, Браминов, не принадлежишь ты и ни к одному из этапов жизни. Ты не являешься объектом чувств. Свободный от привязанности и формы, ты есть тот, кто наблюдает все эту вселенную. Знай это и будь счастлив" (5)

Четырьмя традиционными кастами в древней Индии были Брамины (ученые-священники), Кшатрии (воины), Вайшья (торговцы) и Шудры (работники физического труда). Четыре традиционные этапы жизни: Брахмачарья (ученик в состоянии безбрачия), Грихастха (домохозяин), Ванастх (отошедший от активной жизни) и Саньясин (отрекшийся от мирской жизни). заявляет Джанаке, что хотя, как индивидуум, он может

вести жизнь домохозяина, принадлежащего к касте воинов, в действительности ни к какой касте он не относится. Он просит ученика увидеть на себя не как индивидуума, а как свободного от привязанности, не имеющего формы наблюдателя и тогда никакое несчастье не сможет коснуться его. Нет причины не быть счастливым в такой тотальной свободе, и поэтому Аштавакра призывает: будь счастлив. Другими словами, осознание своей истинной природы - это свобода, просветление, ничем не запятнанное счастье.

"Правильное и ошибочное, счастье и печаль - это все атрибуты ума, они не принадлежат Тебе, О, Всепроникающий. Ты не являешься ни тем, кто действует, ни тем, кто наслаждается - Ты, который всегда был и будешь свободен от всех подобных привязанностей". (6)

Вопрос о связанности никогда не может возникнуть для тебя, ибо ты никогда не имел никакого отношения к какому-либо событию или действию, ты был лишь наблюдающим. Вот что Аштавакра говорит Джанаке. Другими словами, Аштавакра заявляет, что правильное и ошибочное, счастье и печаль являют собой лишь пары взаимосвязанных противоположностей, без которых не может быть жизни в этом мире. Однако, ум не принимает эту полярность, эту взаимозависимость противоположностей таких как красота и уродство, добро и зло и т.д., и таким образом, создает дуализм и конфликт между противоположностями.

В каждом из первых двадцати стихов Аштавакра утверждает основополагающую истину. Далее он в подробностях рассмотрит эти основные истины, но на данном этапе он лишь провозглашает их, чтобы посмотреть на реакцию своего ученика и выбрать тот путь, по которому он его поведет. Аштавакра на этой стадии пытается определить качество и глубину восприимчивости своего ученика. Весь этот диалог являет собой прекрасный пример практической демонстрации таких божественных отношений в действии на высочайшем уровне.

Цельный ум, то есть вселенское Сознание, оказывается расщепленным или разделенным, когда это вселенское Сознание отождествляется с психосоматическим организмом в виде "меня" в противовес "другим". Поэтому человеческий ум, будучи расщепленным умом, может размышлять лишь с точки зрения дуализма (dualism), полностью забыв тот факт, что основополагающая дуальность (duality) наблюдающего и наблюдаемого в жизни является полярной. В качестве наблюдающего "я" не может существовать в отсутствии "другого" как наблюдаемого объекта. Каждое живое существо, каждый человек, становится наблюдаемым объектом, когда другое человеческое существо является наблюдающим. Другими словами, каждое человеческое существо является одновременно наблюдающим и наблюдаемым, в зависимости от его роли в данный момент. И оба являются объектами в тотальности феноменального проявления. Осознание этой истины наступает только тогда, когда происходит отречение от организма тела-ума, когда оба - наблюдающий и наблюдаемый объект - ясно видятся как феноменальные объекты, даже если наблюдающий объект принимает на себя субъективность ноумена. Другими словами, при отречении расщепленный ум излечивается и возвращается в состояние своей изначальной цельности в качестве наблюдающего.

Именно по этой причине мудрец Аштавакра с самого начала заявляет, что счастье и несчастье - это состояния ума (расщепленного). Они никак не относятся к тому, чем вы на самом деле являетесь, то есть, к Сознанию, действующему в качестве субъективного наблюдателя своего собственного объективного выражения в виде феноменальной вселенной, никоим образом не вовлеченного ни в события, ни в реакции на них, ни в

суждения о них. По этой причине с самого начала он говорит: "Если ты отречешься от своего тела..."

Человеческий ум обусловлен таким образом, что он использует линейное мышление и сознательное внимание при полном пренебрежении "бессознательным". Однако "бессознательное" способно на большую степень мудрости, чем может быть достигнуто логикой. Оно может видеть основополагающие принципы, пульсацию и ритм вселенной в ее полном единстве единого, которое было описано как "многомерное сплетение самоцветов, каждый из которых содержит отражение всех остальных до бесконечности". Человеческий ум стремится к тому, что он считает "приемлемым" (в данный момент) при исключении того, что он считает "неприемлемым". Однако это невозможно, потому что противоположности не могут существовать друг без друга - они состоят в отношениях полярности, которые китайцы описывают как "взаимное возникновение". Бытие может возникнуть только из небытия, свет - из пространства, звук - из тишины, и, таким образом, противоположности, хотя, несомненно, и отличны друг от друга, неразделимы как полюса магнита. Эти отношения полярности представляют собой явленную дуальность (explicit duality), основой которой является скрытое единство, а не дуализм (in which is inherent an implicit unity, and not a dualism). Это скрытое единство может быть пережито лишь тогда, когда - в результате понимания и осознания данной истины - происходит растождествление с психосоматическим организмом как с обособленной индивидуальной сущностью.

Аштавакра продолжает:

"Ты есть единственный наблюдатель и, как таковой, ты во истину всегда был свободен. Твоя единственная связанность заключается в том, что ты видишь кого-то другого как наблюдающего". (7)

Наблюдающий - это, конечно, Сознание - вселенское Сознание, в котором возникла, подобно волнам в океане, тотальность феноменального проявления. Таким образом, вселенское Сознание (субъективная ноуменальность) является единственным наблюдающим (в виде чистой субъективности), а все остальное в проявленном мире является объектом. Но в жизни, из-за отождествления с телом, каждое человеческое существо забывает о том, что оно в такой же степени является объектом, как и все остальные объекты, которые оно наблюдает. Оно принимает на себя субъективность абсолютного ноумена и считает себя наблюдателем всех других наблюдаемых объектов. Узурпировав таким образом субъективность единого абсолютного субъекта, человеческое существо совершает первородный грех и, как следствие, попадает в состояние связанности. Другими словами, вселенское Сознание, обусловив себя как личностное, или индивидуальное, сознание, рассматривает человека, ограниченное эго, как субъективного наблюдающего. Как только происходит осознание ошибочности такого отождествления и устанавливается истинная тождественность в качестве единого субъекта, или наблюдающего, связанность исчезает, наступает просветление. Если говорить кратко, "я" (в противовес "другим") исчезает, и на его месте начинает сиять истинное "Я", как единый бесформенный вечный субъект-наблюдающий.

Аштавакра продолжает:

"Ты был укушен смертельно опасной черной змеей эго и поэтому считаешь себя исполнителем. Испей нектар веры в то, что ты не являешься исполнителем, и будь счастлив". (8)

В этом стихе Аштавакра достигает самой сути вопроса. Что лежит в основе концепции связанности и несчастья? Ощущение себя исполнителем, идея о свободе волеизъявления. Весь механизм того, что известно как проживание своей жизни, основан на представлении, что всякий раз, когда человек действует каким бы то ни было образом, это происходит именно по той причине, что он желает действовать таким образом. Другими словами, предполагается, что волеизъявление стоит за каждым действием человеческого существа и, следовательно, он "ответственен" за них. Однако, в действительности люди обычно не "действуют", а "реагируют" (do not "act" but "react") на внешние стимулы. Даже если совсем немного задуматься над этим вопросом, станет очевидно, что очень небольшое количество действий являются результатом волеизъявления или актами воли. Большая часть жизни для большинства людей обусловлена рядом рефлексов, основанных главным образом на инстинктах, привычках и даже пропаганде. Масштаб намеренных, продуманных действий в действительности крайне ограничен. И тем не менее, каждый человек считает, что это он действует. Поэтому Аштавакра и называет это представление об индивидуальном волеизъявлении укусом смертельно опасной змеи эго.////////// Ощущение себя исполнителем, представление о волеизъявлении является в лучшем случае лишь импульсом, демонстрацией эго, концепции "я". До тех пор, пока это "состояние" остается, пока сохраняется отождествление с феноменальным объектом как обособленным "я", до тех пор должна оставаться и связанность.

Единственная практика, могущая освободить человека от яда ощущения себя исполнителем - это отказ от этого отождествления с конкретным объектом в виде "я". Такой отказ может произойти лишь посредством ясного и глубокого понимания - веры - что волеизъявление, или ощущение себя исполнителем, является лишь неким умозаключением, ибо в действительности нет никакой сущности, которая бы осуществляла его. Человеческие существа могут думать, что они "проживают" свои жизни, но на самом деле их жизни проживаются как часть тотального функционирования всего этого феноменального проявленного мира. Все события в совокупности и составляют это функционирование проявленного мира в соответствии с неумолимой цепью причинности. Невозможно представить, чтобы такое функционирование тотальности могло оставить место индивидуальному волеизъявлению, разве что, конечно, в виде части этого функционирования.

Именно по этой причине Аштавакра называет веру единственным лекарством от змеиного укуса ощущения себя исполнителем - веру в то, человек существует не как индивидуальная сущность тела-ума, которая есть лишь феноменальный объект, но как Ноумен, не как индивидуальный объект, а как единый Субъект. Такая вера приносит спонтанное и внезапное понимание того, что "Я" - это единственный субъект и что весь феноменальный проявленный мир есть мое объективное выражение. "Я" являюсь вселенским Сознанием, в пределах которого спонтанно и возникла тотальность феноменального проявления.

Аштавакра продолжает:

"Испепелив лес неведения огнем убежденности в том, что "Я есть Единое, Чистое Сознание", отбрось все печали и будь счастлив". (9)

"Ты есть то Сознание - Высшее Блаженство - в котором возникает это феноменальное проявление, что подобно иллюзии, когда веревку принимают за змею. Живи счастливо". (10)

В этих двух стихах мудрец пытается донести до ученика основополагающую истину, заключающуюся в том, что все, что есть - это Сознание, и поэтому, не может быть и речи о том, чтобы кто-то становился чем-то. Нет речи и том, чтобы быть связанным и, следовательно, обо освобождении. Так же, как и том, чтобы какое-либо "я" было обособленной сущностью, нет речи и о том, чтобы тот или иной "объект" мог быть этим или тем, пустым или непустым, ибо он не существует и поэтому не может иметь вообще никаких качеств. Заявив, что "Ты" или "Я" есть единое чистое Сознание, Аштавакра подчеркивает не-существование какого бы то ни было объекта, которым ученик считает себя в силу неведения. Его намерение - вернуть ум к истоку, к Сознанию, и с этой целью он и дает аналогию иллюзии, когда в полумраке веревка может показаться змеей. Все аналогии - такие как глина и горшок, золото и украшение из него - по своей сути несовершенны поскольку пустота в них символизируется объективными образами и концепциями. Однако намерение ясно: заставить ум прекратить объективировать и вернуться к своему истинному центру.

Гуру пытается вселить в своего ученика убежденность в том, что то, чем он на самом деле является, - это субъективное, лишенное формы Сознание. И он знает, что это может быть достигнуто лишь путем устранения ошибочного отождествления. Псевдо-субъект псевдо-объектов - этот единственный фактор, препятствующий осознанию учеником своей истинной природы - должен быть устранен. Аштавакра повторяет, что все, что есть - это Сознание, в котором спонтанно возникает вселенная. Вселенная - это лишь видимость, иллюзия, подобная веревке, ошибочно принимаемой за змею. Как только ошибочное отождествление устранено, нет ничего, что мешало бы ученику быть тем, что он есть на самом деле и, что очень важно, жить с точки зрения своей истинной природы, "в молчаливом отождествлении себя с не-бытием". Эта убежденность в своей истинной тождественности, наступающая тогда, когда происходит ясное осознание ошибочного отождествления, ведет к такому образу жизни, в котором личностное волеизъявление отсутствует. Тогда наступает полное осознание того, что человеческое существо "проживается" как неотъемлемая часть тотальности функционирования во вселенной. Именно это Аштавакра имеет виду, говоря "будь счастлив" или "живи счастливо", ибо тогда нет больше волеизъявления, нет ощущения себя исполнителем, нет чувства вины или связанности. Другими словами, жить счастливо - это жизнь естественно, жить спонтанно, реагируя на внешние ситуации, без планов, без предвзятого мнения - говоря кратко, без вмешательства ума. Такая реакция естественным образом приведет к физической активности, но не будет ни ощущения себя исполнителем, ни иллюзии волеизъявления, ибо такая физическая активность не основана на ментальной деятельности. Если говорить кратко, реакция будет спонтанной, без вмешательства волеизъявления и, как следствие, приведет к пробуждению, к просветлению. При отсутствии вовлечения на основе волеизъявления, все, что бы ни происходило, есть неотъемлемая часть ноуменального функционирования, сущностью которого является простое наблюдение того или иного события без какого-либо оценивания. Оценивание предполагает дуальность, в то время как наблюдение находится за ее пределами.

Аштавакра продолжает:

"Тот, кто считает себя свободным, во истину свободен. Тот же, кто считает себя связанным, остается в состоянии связанности. Фраза "Как человек думает, тем он и становится", несомненно, является истинной". (11)

"Атман - единственный наблюдатель, всепроникающее, совершенное, свободное Сознание - свободное от деяния, привязанности, желаний, пребывающее в покое с самим собой. Лишь иллюзия заставляет видеть его вовлеченным в самсару". (12)

В этих двух стихах Аштавакра резюмирует свою точку зрения и направляет внимание ученика на основополагающую истину: все, что есть - это Сознание, вселенское Сознание, в котором возникает тотальность вселенной, но которое отождествляет себя с каждым отдельным феноменальным объектом в виде личностного сознания и, таким образом, попадает в концептуальную связанность. Атман, или Сознание, являясь единственной реальностью, обязательно должен быть всепроникающим и, следовательно, никакой личной, индивидуальной сущности и быть не может. Но в дуальности феноменального проявления расщепленный ум создает представление о связанности. Следовательно, освобождение - это лишь освобождение от концепции связанности, освобождение от функционирования расщепленного ума, освобождение от концептуализирования. Пусть расщепленный ум прекратит свое концептуализирование -и связанность исчезнет, ибо в отсутствии какой бы то ни было ментальной активности расщепленный ум вновь обретает свою цельность, свою святость.

Аштавакра хочет, чтобы ученик очень ясно понял, что весь проявленный мир - и каждый объект в нем, наделенный именем и имеющий какое-то специфическое значение - все это относится к уму. Поэтому они не существуют в глубоком сне, когда концептуализирование ума прекращается. Феноменальные объекты, включая небо, солнце и луну, вверху, внизу, здесь и везде, просто не существуют - иначе как концепции в уме, как иллюзорные видимости в Сознании, наблюдаемые и познаваемые Сознанием же.

Снова и снова в этих двадцати стихах Аштавакра изо всех сил пытается выразить словами то, что словами невыразимо. Он делает это лишь по одной причине, то есть он надеется, что какое-то одно слово или одно предложение сможет раскрыть истину и устранить затемнение, возникшее на истинной природе ученика. Он неоднократно заявляет, что все, что есть - это Сознание и что, следовательно, ученик, как и гуру, никак не может быть чем-то иным, нежели Сознанием; и далее, что все феноменальные объекты - включая самих гуру и ученика - есть не что иное, как субъективный ноумен в своем объективном выражении в виде проявленного мира. Но осознание этой истины на интеллектуальном уровне не является достаточным, ибо в основе интеллектуального понимания все еще остается "виновник" - индивидуальный понимающий! Внешняя оболочка индивидуальности должна быть разрушена, прежде чем интеллектуальное понимание сможет трансформироваться в интуитивное постижение. А эта индивидуальная оболочка может разрушиться лишь через растождествление с псевдо-субъективностью посредством субъективного переживания полного отсутствия обособленной индивидуальной сущности.

Объявив Истину ясно и недвусмысленно, гуру в последующих стихах призывает ученика идти глубже, дальше интеллектуального уровня, и пребывать в самой Истине:

"Отбрось иллюзию того, что ты - индивидуальное "я" вместе со всеми его внешними и внешними модификациями, и медитируй на Атман, неизменное, не-дуальное Сознание". (13)

"Дорогое дитя, долго же ты пребывал с цепях отождествления с этим телом. Разруби же их мечом Знания, и будь счастлив" (14)

"Ты свободен от привязанности и от действия, лучезарный, не имеющий изъянов. То, что ты практикуешь медитацию, во истину составляет твою связанность". (15)

Это очень важные стихи по ряду причин. Во-первых, гуру признает здесь тот факт, что все, что он может сделать - это лишь указать на истину. Он не может преподнести просветление ученику на тарелочке в качестве подарка. До тех пор, пока отождествление с организмом тела-ума в виде обособленной индивидуальной сущности продолжается, отождествленный псевдо-субъект должен оставаться в состоянии связанности. После того, как гуру объявил Истину предельно ясным образом, после того, как он "показал твою истинную природу как в зеркале", - как имел обыкновение говорить Махарадж - больше нет ничего, что он мог бы сделать. Он может лишь ждать, пока ученик получит и впитает эту Истину. Проблема невероятно усугубляется тем, что сам ученик не может "сделать" практически ничего (в позитивном смысле). Именно на это Аштавакра и указывает Джанаке, говоря, что практика медитации сама по себе является связанностью!

Что является необходимым для того, чтобы произошло растождествление - это отказ от феноменального объекта, в котором сконцентрирован субъект. Любое позитивное действие может исходить лишь из все того же феноменального центра, от все того же эго, которое должно быть устранено. Что на самом деле необходимо - это не-деяние, которое бы передало всю власть ноуменальному центру, свободному от какого-либо вмешательства расщепленного ума и его творения - эго. Такое не-деяние может произойти лишь как спонтанное возникновение или результат очень глубокого, интенсивного осознания Истины, без малейшего вмешательства в виде ментальной активности. Действительно, такая трансформация, такое растождествление, не может быть осуществлено намерено. Оно может только случиться. Причина этого заключается в том, что такая трансформация предполагает полное отсутствие иллюзорного исполнителя: такой "исполнитель" действительно является препятствием, той связанностью, которая должна быть разрублена мечом Знания. Это глубокое интуитивное понимание, в котором понимающий (расщепленный ум, эго) отсутствует. Это "событие" не находится в руках ни гуру, ни ученика, как индивидуумов. Оно может произойти лишь в должное время и в должном месте в тотальности функционирования, когда божественные отношения между гуру, как Сознанием, и учеником, как Сознанием, созрели в полной мере, чтобы принести свои плоды, когда гуру и ученик встречаются лицом к лицу подобно поверхностям двух направленных друг на друга зеркал.

Именно по этой причине Аштавакра просит своего ученика царских кровей "отказаться от иллюзии, что "он" есть индивидуальная сущность" и медитировать на тот факт, что "он есть Атман, неизменное, не-дуальное Сознание". Может показаться, что слово "медитировать" в стихах 13 и 15 используется для противоположных по смыслу указаний. Но это не так. И именно это тонкое различие составляет разницу между успехом и неудачей для ученика. В первом из этих стихов слово "медитировать" используется для обозначения "не-деяния", которое может вызвать пробуждение, ведущее к просветлению. Аштавакра призывает своего ученика осознать свою природу как не-дуальное Сознание и оставаться в этом осознании, в котором расщепленный ум полностью отсутствует. В такой медитации нет никакого эго, которое бы присутствовало в качестве медитирующего. Есть лишь осознание своей природы как не-дуального Сознания.

Когда в стихе 15 Аштавакра говорит, что медитация - это и есть та связанность, от которой ищется освобождение, значение его слов ясно: такая медитация предполагает намеренное действие со стороны эго в качестве медитирующего, имеющего целью достижение чего-либо. А все, что бы эго ни делало, создает дальнейшее усиление связанности. Идея проста. Основопологающая Истина заключается в том, что истинной природой всех человеческих существ есть чистое Сознание, являющееся субстанцией всех видимых феноменальных объектов. Если это принимается - а это должно быть принято - тогда, любой, кто желает "сделать" что-либо для того, чтобы стать просветленным,

несомненно, поворачивается спиной к этой основополагающей Истине. Любое позитивное действие, направленное на достижение просветления предполагает существование индивидуальной сущности, в то время как "просветление" само по себе является таким состоянием, в котором никакой обособленный индивидуум существовать не может. По этой причине Аштавакра и называет "практику медитации" как раз той связанностью, от которой ищется освобождение. Другими словами, лишь свободное от волеизъявления и мотивации функционирование может вызвать пробуждение, ведущее к просветлению. Любого рода намеренное действие - в виде дисциплины или практики - обязательно будет непреодолимым препятствием на пути к такому пробуждению.

Аштавакра продолжает призывать своего ученика к пробуждению:

"Именно ты пронизываешь собой всю эту вселенную, и эта вселенная существует в тебе. По своей природе ты во истину являешься чистым Сознанием Не позволяй своему уму мелочиться". (16)

Если ты представляешь собой весь этот проявленный мир, говорит Аштавакра, зачем отождествляться с микроскопически малой, ничтожной частью его - в виде индивидуума - зачем так мелочиться? В этом стихе мудрец также заявляет, что без ноумена нет феномена, и нет ноумена без феномена, ибо без субъекта не может быть никаких объектов, а без объектов вопрос о субъекте не возникает. Он говорит своему ученику, чтобы тот не делал различия между Абсолютом и проявленным миром: ты пронизываешь собой всю вселенную, а эта вселенная существует в тебе. В конце этих начальных наставлений Аштавакра сжимает эти поучения в минимальное количество слов, чтобы они могли пронзить духовное сердце ученика подобно стреле. В сущности, он говорит о том, что увидев одно, вы видите все: то есть, что феномен и ноумен представляют собой одно, хотя умозрительно они могут различаться как видимое проявление и его источник.
////////

"Пребывай в этом Сознании, которым ты являешься - свободном от условностей, неизменном, не имеющем формы, безмятежном и невозмутимом, обладающем безграничным интеллектом". (17)

Аштавакра продолжает свои наставления в трех заключительных стансах:

"Знай, что то, что имеет форму, является нереальным, а то, что формы не имеет - реально. Если ты поймешь этот принцип, перерождение станет невозможным". (18)

До самого конца данной инициации Аштавакра перечисляет один аспект Истины за другим различными словами, под разным углом, ибо ученик еще должен продемонстрировать свой собственный уровень понимания и способностей.

Здесь он подчеркивает тот важный факт, что то, что имеет форму, обязательно должно быть лишь видимостью и, следовательно, подвержено изменениям и последующему растворению. Это автоматически означает, что то, что реально, не имеет формы, что оно неуязвимо и не подвержено ни изменению, ни смерти. Аштавакра говорит, что то, чем мы на самом деле являемся - это находящийся вне времени и пространства, не имеющий формы и неизменный ноумен. То, чем мы кажемся как обособленные объекты - это временные, конечные и воспринимаемые чувствами феноменальные объекты.

Далее Аштавакра говорит, что все феномены, по сути, не имеют существования, то есть, другими словами, видимые объекты подвержены изменению и распаду. То, чем вы

являетесь - это неизменный ноумен. Как только эта истина принята безоговорочно, тогда вопрос о перерождении становится неуместным. Но если вы не можете избавиться от отождествления с обособленным индивидуальным феноменальным объектом и продолжаете считать себя этим объектом, тогда вы, как этот объект, будете подвержены удовольствию и боли как в этой жизни, так и в следующей, и в последующих, пока в процессе духовной эволюции вы не пробудитесь к этому истинному принципу.

Есть еще один момент, на который мудрец указывает в этих строках: форма - это видимость, присутствие, подверженное изменению и распаду; следовательно, его источник обязательно должен быть свободным от формы, это отсутствие, из которого должно возникнуть присутствие видимого проявления. И все же, как присутствие, так и отсутствие являются концепциями, зависящими от мнимой сущности, воспринимающей эти концепции. В глубоком сне нет ни присутствия, ни отсутствия, ибо нет сущности, которая бы воспринимала какие-либо объекты. Таким образом, для того, чтобы добраться до источника (и даже это является концепцией), что необходимо, - так это устранение воспринимающей сущности.

Этот аспект мудрец рассматривает в следующем стихе:

"Подобно тому, как поверхность зеркала существует как в пределах отраженного в зеркале предмета, так и вне его, так и Высшее Я существует как в пределах физического тела, так и вне его ". (19)

Аштавакра указывает в этом важном стихе на то, что то, чем мы являемся ноуменально, определено не есть некая вещь или объект, как это предполагает личное местоимение, а скорее процесс, или основа, фон, подобный экрану, на который проецируется кинофильм. В отсутствии фона, ничего видимого не может быть вообще, хотя в случае с феноменальным проявлением "фон", он же Сознание, само создает и составляет видимое. Все дело в том, что если нет полного "ухода" в безличность, рассмотрение вопроса "кем (или чем) я являюсь?" может означать на самом деле слишком простой переход от феноменальности к ноуменальности, который не может иметь силу, способную разрушить обусловленность, вызванную представлением о своей индивидуальности, которое ведет к предполагаемой связанности. Лишь прямой уход в безличность имеет вероятность вызвать поразительную трансформацию, известную как метаноэзис, посредством которого приходит внезапная и непосредственная убежденность в том, что отождествление с обособленной индивидуальной сущностью на самом деле никогда не существовала и была, по сути, ничем иным, как иллюзией.

Наверное, именно по этой причине Аштавакра сравнивает Сознание с зеркалом, которое отражает все, ничего не удерживая, и которое само по себе не имеет подлежащего восприятию (perceptible) существования. То есть, Сознание является фоном, основой того, чем мы видимся как феноменальные объекты, и все же это нечто объективное. Подобно тому, как отражение в зеркале - лишь видимость, не имеющая какого-либо существования, а зеркало - это то, что существованием обладает, но никоим образом не подвержено влиянию отражения, так и психосоматический аппарат, будучи лишь видимостью в Сознании, не имеет независимого существования. Объекты, возникающие в Сознании, никоим образом не оказывают на него какого-либо воздействия.

В этом стихе Аштавакра поднимает тему аспекта трансцендентности непроявленного абсолюта по отношению к изображению, или видимости проявленных феноменов. В следующем, и последнем, стансе он подчеркивает аспект имманентности ноумена по отношению к феноменам.

"Подобно тому, как всепроникающее пространство находится как внутри так и снаружи горшка, так и вечное и всепроникающее Сознание присуще всем существам и объектам". (20)

Может показаться, что границы горшка ограничивают и обуславливают пространство внутри горшка, но в действительности. пространство, как таковое, не может быть обусловлено горшком, который сам существует в пространстве. Подобным образом, хотя вселенское Сознание может показаться обусловленным индивидуальным психосоматическим аппаратом, все феноменальные объекты являют собой лишь видимости в Сознание. Все, что есть - это Сознание, присущее всему феноменальному, ибо без Сознания не может быть никаких феноменальных объектов. В этом завершающем стихе Аштавакра считает важным подчеркнуть скорее основу и имманентность, а не личностный элемент, поэтому окончательный... не столько на истинной природе "я", но скорее на уходе в безличностность. Вместо того, чтобы сказать, что "твоей" истинной природой является Сознание, он говорит, что все, что есть, как внутри всех феноменов, так и снаружи, - это Сознание.

Глава 2

Смелое заявление, содержащее духовный факт, Истину, сделанное Аштавакрой в первых двадцати стихах без малейшего желания защитить или оправдать сказанное, могло вызвать различные реакции на интеллектуальном уровне:

- а) реакцию прямой оппозиции, вплоть до конфронтации;
- б) реакцию скептицизма, основанную на мысли "Ну, если вы так говорите...";
- в) реакцию униженного подчинения ученика;
- г) принятие поражения на основе умозаключения "все это кажется правильным, не к чему придраться".

Или же это могла быть реакция на совсем другом уровне, в абсолютно другом измерении, прямое попадание в сердце, "ощущение нутром", от которого нельзя отмахнуться. Аштавакра, возможно, надеялся на такую реакцию со стороны Джанаки, и как гуру, он должен был ощутить удовлетворение, когда Джанака спонтанно выпалил:

"Воистину я есть незапятнанное, безмятежное Сознание, отличное от феноменальной вселенной. Как же долго я находился в замешательстве под воздействием иллюзии!" (22)

Заявление гуру оказало такое сильное влияние на ученика, который уже к тому времени созрел и был готов к такой искре мудрости, что он тут же вошел в состояние экстатического восторга. Стены темницы, в которой он был замурован на протяжении ряда жизней, внезапно обрушились и наступило неопишное чувство полной свободы. Для того, чтобы слова гуру имели такой эффект вспыхнувшей молнии, ученик должен слушать с полным вниманием ума в сочетании с такого рода восприимчивости, которую не сможет поколебать концептуализирующее вмешательство расщепленного ума. Он также должен иметь смелость для того, чтобы позволить сердцу возобладать над головой, не позволить логике и рассудку блокировать спонтанную мудрость присущей человеку природной интуиции. Созревший и готовый ученик, обладающий такого рода

восприимчивостью, получает мудрость своего гуру легко и без усилий, что изумляет его самого и других. Когда кто-нибудь из учеников просил Нисаргадатту Махараджа о "милости", он неизменно говорил: "Моя милость всегда здесь, стоит только попросить, но готовы ли вы принять ее?"

Джанака продолжает:

"Как Я Сам даю сияние этому телу, так же Я даю проявление всей вселенной. Следовательно, вся вселенная - лишь Моя, или ничего не является моим". (22)

Весь этот двадцатичетырехстишный ответ Джанаки на вопрос Аштавакры, довольно ясно показывает ту глубину, которой достигло его непосредственное понимание. И действительно, то, что обещал Аштавакра насчет внезапного просветления, если отождествление с телом будет отброшено, и произошло в случае с Джанаккой. Отказ от личностного, индивидуального отождествления с обособленной сущностью внезапно привел к уходу в безличностность, что в свою очередь означает отождествление с ноуменальностью. Другими словами, Джанака осознал, что в действительности нет никакого "я", которое могло бы владеть чем-либо, ибо сам индивидуум не существует в отдельности от тотального проявления. На самом деле индивидуум есть часть проявленного мира, и когда в глубоком сне отсутствует осознание проявленной вселенной, нет также и осознания "себя": проявленный мир и индивидуальное "я" в нем возникают и исчезают вместе.

Джанака внезапно осознал свою ноуменальность, но в феноменальном смысле, иначе не было бы осознания "Я". Ноуменальность не может знать "Я", ибо в ноуменальности нет дуального разделения на знающего и то, что познается. Поэтому, говоря феноменально, он говорит о том, что все объекты, все тела, составляющие вселенную, могут видаться как существующие только тогда, когда на них падает "мое" сияние. Поэтому он владеет всей вселенной. С другой стороны, он говорит, что "я" может сиять только тогда, когда истинный Я касаюсь его своим сиянием: "вся вселенная лишь моя, или ничего не является моим". Без ноумена феноменальные объекты не могут возникать, ибо именно ноуменальный свет освещает их. И если феноменальные объекты не видимы, ноумен не может быть познан. Переживанием Джанаки было то, что ноумен и феноменальные объекты - это не два, а одно. Пребывавшее в Джанаке "я" обрело переживания истинного "Я", и "он" достиг освобождения! Вселенское Сознание, отождествившее себя с Джанаккой-индивидуумом, отбросило свое отождествление и внезапно вновь обрело свою вселенскую природу!

Джанака продолжает:

"Когда произошло отречение от тела и остального проявленного мира, как по волшебству было достигнуто совершенство Высшего Я". (23)

Джанака внезапно достиг осознания того, что не может быть речи о приобретении некой вещи, известной как освобождение или просветление. Он осознал, что отказ от отождествления с телом в виде обособленной сущности - это все, что необходимо для немедленного постижения реальности. Эту идею он развивает в последующих стихах.

"Подобно тому, как волны, пена и пузыри не отличны от воды, так и феноменальная вселенная, возникающая в Сознании, не отлична от него". (24)

"Подобно тому, как после тщательного рассмотрения оказывается, что ткань - это не что иное, как нить, так и феноменальное проявление вселенной оказывается при достижении понимания ничем иным, как Сознанием". (25)

"Подобно тому, как сахар, сделанный из сока сахарного тростника, полностью пронизан этим тростниковым соком, так и феноменальная вселенная, созданная во Мне, полностью пронизана Мною". (26)

В этих стихах Джанака выражает свое субъективное переживание "Я" - чувство, дающее ему ощущение единства ноумена и феноменов, присутствия ноумена во всех феноменальных объектах и, следовательно, невозможности существования независимого и автономного человеческого существа. Ноумен и феноменальное проявление, а также все, находящееся в нем, едино.

"Именно в силу неведения относительно Атмана феноменальная вселенная кажется реальной, и эта иллюзия исчезает с осознанием своей истинной природы, подобно тому, как иллюзия змеи возникает из-за незнания того, что объектом на самом деле является веревка, и исчезает, когда происходит осознание того, что веревка - это веревка". (27)

"Свет - это сама моя природа. Во истину, Я есть Свет, и ничто иное. Именно сияние "Я" дает проявление вселенной". (28)

Должно быть, постижение Джанакой своего собственного бытия в виде Света невероятно обрадовало Аштавакру, ибо сияние ноумена и восприятие феноменальных объектов является одновременным событием, и Джанака это интуитивно осознал. Джанака говорит: "Во истину, это я сияю, когда вселенная проявляется", ибо, как выражаются даосы, "Я есть свет, падающий на десять тысяч пылинок (проявленных феноменальных объектов), чтобы каждая из них могла воссиять". Например, во "тьме" глубокого сна феномены не видятся, ибо "Я" как Сознание не сияет, и Я остаюсь невидимым Светом. Лишь после пробуждения от глубокого сна наше сияние попадает на феноменальные объекты и они вновь становятся видимыми. Таким образом, феноменальные объекты не могут быть чем-то иным, нежели "моим" сиянием: без меня (в виде "Я") объекты не могут возникать, а без объектов "Я" не может быть познано - феноменальные объекты являются объективным выражением субъективного "Я".

Та же идея находит свое дальнейшее развитие в следующих стихах:

"Феноменальная вселенная, которая возникает во мне, в силу неведения создает впечатление реальности, подобно тому, как перламутр кажется серебром, веревка - змеей, а лучи солнца в воде создают мираж". (29)

"Подобно тому, как горшок, растворяясь, становится снова глиной, волна - водой, а браслет - золотом, так и феноменальная вселенная, возникшая во Мне, также во Мне и растворится". (30)

В этих стихах подчеркивается тот факт, что ни серебро, ни змея, ни вода в мираже никогда на самом деле не существовали. Это понятно, что они не существуют, когда неведение оказывается разрушенным знанием истины, но даже во время существования иллюзии все, что есть - это перламутр, веревка и лучи солнца. Всегда была и есть лишь одна реальность: до иллюзии, во время иллюзии и после иллюзии. Другими словами, когда причина иллюзии - неведение - была устранена, произошло раскрытие реальности.

Каждая вещь, или объект в проявленной вселенной является продуктом Сознания, как во время воздействия иллюзии, когда проявленный мир видится как "реальный", так и после осознания Истины, как это было в случае с Джанакой. Мы есть не что иное, как Сознание, и никогда не были ничем иным. Возможно, будет легче "понять" Истину, если признать, что никогда никаких "мы" не было, и что все, что есть - и всегда было - это Сознание. "Мы" думаем о себе, сознательно или неосознанно, как о существах чувствующих и, как следствие, обособленных от проявленного мира: "мы" являемся субъектом, а остальной проявленный мир - объектом. Реальное положение дел заключается в том, что "мы", как проявленные феноменальные объекты, на самом деле есть не что иное, как часть этой единой проявленной вселенной. А заставляет нас считать себя обособленными тот факт, что явленная вселенная познается нами, как чувствующими существами, посредством чувствования, действующего через когнитивные органы. Это "чувствование", как аспект Сознания, само по себе является непосредственным проявлением цельного ума. Именно по этой причине мы не можем избавиться от глубочайшего ощущения, что "я" отличен от проявленного мира. И мы действительно не отличны от него, но иллюзия (майя) заключается в том, что вместо того, чтобы коллективно считать себя тем чувствованием, которое дает нам возможность познавать проявленный мир (включая живые существа), являющийся в Сознании, мы считаем себя обособленными индивидуальными сущностями. И в этом заключены также наши страдание и связанность. Как только происходит осознание, пробуждение к тому факту, что мы есть не обособленные сущности, а само Сознание (при этом чувствование действует как средство для познания этого проявленного мира), иллюзия обособленности - причина наших страданий и связанности - исчезает. И тогда происходит ясное постижение того, что в непроявленном состоянии мы представляем собой ноумен, в то время как в проявленном - мы лишь видимость, не более обособленная, чем субстанция обособлена от своей формы (как например, в случае с золотом и золотым украшением). Проявленное возникает из непроявленного, и в должное время возвращается обратно в непроявленное. Человеческие существа, как индивидуумы, в действительности никакой роли во всем этом не играют, разве что, конечно, как иллюзорные действующие лица в пьесе-сновидении, известной как "жизнь".

Джанака продолжает выражать радость Самореализации:

"О, что за чудо это Я! Я приветствую Себя, не знающего разложения и продолжающего существовать даже после того, как вся вселенная, от творца Брахмы до травинки, оказывается разрушенной". (31)

"О, что за чудо это Я! Я приветствую Себя, который, хотя и имеет тело, един, который никуда не уходит и ниоткуда не приходит, но вечно пребывает, пронизывая собой вселенную". (32)

"О, что за чудо это Я! Я приветствую Себя, могущественнее которого нет никого, который несет бремя всей вселенной, даже не прикасаясь к ней своим телом". (33)

"О, что за чудо это Я! Я приветствую Себя, который не владеет ничем, или всем, что доступно мысли или слову". (34)

Эти четыре стиха составляют своего рода гимн своему Высшему Я, основанный на концептуальном механизме возникновения проявленной вселенной (These four verses constitute a sort of hymn to the Self, based on the conceptual mechanism of the appearance of the manifestation of the universe). Этот процесс феноменального проявления достаточно прост! Когда в Сознании-в-покое возникает движение, ноумен, который до этого не осознавал себя, внезапно становится осознающим себя, осознающим свое присутствие в

виде Я Есть, и одновременно с этим происходит спонтанное возникновение феноменального проявленного мира. "Мы" являемся лишь малой неотъемлемой частью тотального феноменального проявления и, следовательно, в объективном смысле, в действительности нет никакой разницы между живыми и неживыми объектами. Относительное различие заключается в субъективности, поскольку чувствительность, как аспект не-явленного Сознания, возникает независимо от объективного проявленного мира с тем, чтобы феноменальные объекты могли быть познаны как таковые. Другими словами, "мы" есть лишь объекты, через которые Сознание познает объекты посредством чувствительности. Также "мы" являемся инструментами, через которые происходит функционирование вселенной, хотя мы по ошибке считаем, что на самом деле проживаем свои жизни!

В этих четырех стихах Джанака выражает внезапно снизошедшее на него понимание того, что все, что воспринимается чувствами, может быть лишь видимостью в уме (представляющем собой содержание Сознания) и, таким образом, не может иметь какого-либо иного вида существования. И что даже еще важнее, сам этот "ум" не может существовать независимо по той простой причине, что он является лишь символом того, что мы сами есть, и таким образом, никак не может быть объектом, подлежащим познанию. Во истину, Джанака "чудесным" образом пришел к осознанию того, что "Я" - это на самом деле ум и Сознание, и что феноменальное проявление есть лишь объективное выражение субъективного, непроявленного "Я".

Таким образом, понимание Джанаки расширилось до осознания того факта, что То-Что-Есть - это ноумен, вне времени и пространства, невоспринимаемый чувствами, в то время как то, чем мы видимся (как обособленные объекты) - это феноменальные объекты, ограниченные временем и пространством и воспринимаемые чувствами. Кроме того, теперь он интуитивно понимает, что феноменальные объекты - лишь видимости в Сознании и, следовательно, являются иллюзорными, но в действительности они представляют собой не что иное, как ноумен в проявленном состоянии; другими словами, что единственный способ, которым ноумен может быть познан - это через феноменальные объекты.

Однако, самое важное (в случае с Джанакой, в этот момент Самореализации) - это то, что произошел внезапный сдвиг, внезапное перемещение субъективности с феномена на ноумен, с индивидуальной личности - на безличность, с отождествления с предполагаемым индивидуумом - на отождествление с вселенским Абсолютом; говоря кратко, с феноменального "я" - на ноуменальное "Я". В результате все вопросы и проблемы, включая те, которые относятся к страданию и связанности, воздействующих на "я", исчезли вместе с исчезновением "я".

"Знание, знающий и познаваемое - эта триада на самом деле не существует. Я есть незапятнанное Сознание, в котором эта триада кажется явленной в силу неведения". (35)

В этом стихе Джанака подчеркивает тот факт, что все относительное знание зависит от расщепленного ума, в то время как он сам, его Истинное Я, цельный ум вселенского Сознания, выходит за пределы расщепленного ума, пребывающего в относительности. Он осознает, что феноменальная жизнь в относительности явленной вселенной для обычного человека означает не что иное, как объективизацию, непрерывный процесс (за исключением глубокого сна) объективизации. Поэтому он говорит, что то, чем он является - это то Сознание, в котором происходит эта объективизация. Он на самом деле напоминает себе, что объективизация является препятствием к постижению того, что мы во истину Есть. Другими словами, если бы мы прекратили размышление (за исключением

того, чем мы заняты в настоящий момент), или концептуализацию, или создание объектов в уме, мы бы автоматически пребывали в цельном уме, не вовлеченном в относительную дуальность.

Этот мотив он рассматривает в следующих трех стихах:

"О, корень несчастий во истину заключен в дуализме. Нет никакого средства от него кроме осознания, что все объекты переживания являются нереальными, и что Я есть единое чистое Сознание". (36)

"Я есть чистое Сознание, но в силу неведения я наложил на себя ограничения. Постоянно сохраняя это убеждение, я пребываю в Сознании без какой-либо концептуализации". (37)

"Иллюзия связанности и освобождения, потеряв свою главную опору (неведения), больше не существует. О, вселенная была рождена из меня, но она не во мне". (38)

Эти три стиха удивительным образом суммируют учение Аштавакры, которое ученик впитал глубоко, до конца.

Джанака признает, что дуализм - это источник, корень несчастий. "Я" - это вселенское, или безличностное, Сознание, цельный ум, который не подвластен возникновению феноменов внутри него. Когда безличностное Сознание обращается вовне и начинает объективировать, оно должно разделиться в дуальности субъекта и объекта. Цельность чистой субъективности теряет таким образом невозмутимость и оказывается расщепленным на противостоящие друг другу положительные и отрицательные элементы, любовь и ненависть, удовольствие и боль, и т.д. через дуальность "субъект-объект" Как феноменальный субъект, так и его объект являются объектами в проявленной вселенной, но этот субъект, это "я" (вселенское Сознание, отождествившееся с каждым объектом), считает себя обособленной сущностью в дуализме, но, будучи по сути объектом, он испытывает переживания боли и наслаждения. Однако, ноуменально, существует лишь чистая субъективность, и нет никакого объекта, который мог бы страдать. Это объективирование чистой субъективности как раз и есть то, что известно как связанность, а растождествление с обособленной сущностью и уход обратно в безличностность есть как раз то, что известно как освобождение. Действительно, это растождествление, как утверждает Джанака, является единственным средством от страданий состояния связанности.

Как только происходит осознание цельной концептуальной структуры феноменальной вселенной и роли в ней отдельного чувствующего существа, как только эта концептуальная структура начинает видеться в истинной перспективе, она должна рухнуть вместе с парной концепцией связанности и просветления.

Что же именно должно быть "познано"? Лишь то, что возникновение феноменальной вселенной - это объективное выражение ноумена. Такое возникновение неизбежно влечет за собой концептуальное возникновение пространства и времени с тем, чтобы феноменальные объекты могли быть растянуты в них и, таким образом, познаны. Следовательно, феноменальные объекты представляют собой явленность ноумена, а не нечто отдельное, спроецированное ноуменом. Подобно всем феноменальным объектам, "мы" не имеем собственной природы, которая не была бы частью функционирования ноумена. Как ноумен, "мы" не можем быть ни связанными, ни освобожденными.

"Теперь я убежден в том, что вся вселенная, включая это тело, не имеет субстанции, и то, что я есть - это чистое Сознание. Так какую же основу может теперь иметь концептуализация?" (39)

"Тело, небеса и ад, связанность и свобода, как и страх - это все просто концепции. Что мне делать со всем этим, мне - который есть чистое Сознание?" (40)

"О, для меня не существует абсолютно никакого дуализма. Даже среди людей я чувствую, что я один. К чему же мне привязываться?" (41)

"Я не есть это тело, и я не имею никакого тела, ибо я есть не обособленный индивидуум, а чистое Сознание. Моей единственной связанностью была жажда жизни". (42)

В этих четырех стихах Джанака провозглашает полное растождествление с каким бы то ни было психосоматическим аппаратом в виде обособленного индивидуума. Таким образом, если сама основа концептуализации исчезла, объективирование прекратилось, и возникло отношение безобъектности. Другими словами, Джанака обнаруживает, что он совсем не думает о себе как об объекте - любого рода объекте, то ли физическом, то ли психическом - и, как следствие, он обнаруживает, что не обладает ни единым объективным качеством. Он свободен от самой идеи как присутствия, так и отсутствия чего-либо воспринимаемого или познаваемого. Это привело его к безобъектным отношениям с другими, поскольку он больше не рассматривает других как свои объекты - живые или неживые. Таким образом, Джанака теперь воспринимает как предполагаемый субъект ("я"), так и его предполагаемые объекты как простые видимости. Это понимание, это интуитивное убеждение заключается в том, что как объекты, как феномены, мы все - лишь простые видимости, лишённые какой-либо субстанции, но как ноумен, то чем мы все являемся, не может быть чем-то иным. Это на самом деле означает внезапное просветление, внезапное устранение того, что метафизически рассматривается как "неведение".

Дуальность была принята как часть этого механизма проявленного мира, в то время как дуализм "я", как псевдо-субъекта, противостоящего "другим" как объектам, исчез.

Наверное, необходимо добавить, что безобъектным отношениям, подобным этим, не присуще то, что называют "любовью". Слово "любовь", как его обычно понимают, означает обособленность, в то время как безобъектные отношения подразумевают не "любящего", а "сострадание", или каруну. Сущностью этого состояния является внезапная радость, состояние единства. Мы не "любим" других, мы есть другие.

Джанака также указывает на то, что это основополагающее понимание выявляет тот неопровержимый факт, что кроме этого ясного постижения, что первичной субстанцией всех живых (и неживых) существ является один и тот же ноумен, не может быть никакого действия, никакого усилия, которые могли бы привести индивидуума к его "просветлению" - ибо вера в это основана на концепции, что есть "он", который должен стать просветленным, в то время как "просветление" просто означает состояние бытия, в котором никакой обособленный индивидуум не может существовать. Любое действие, любая практика относятся к феноменальности, и является очевидным то, что феномен не может воздействовать на ноумен, тень не может воздействовать на свою субстанцию. Другими словами, намеренная процедура, практика или действие любого рода определено является препятствием к тому, что известно как пробуждение, или просветление. Причина этого заключается в том, что любой намеренный поступок основан на предрассудке, что индивидуум существует. Просветление - это название,

даваемое этому ноуменальному состоянию. Как может феноменальный объект быть просветленным?

Вероятно, это заблуждение возникло из-за ошибочного понимания того, что обозначается словом "пробуждение", и результата такого пробуждения, подразумеваемого словом "спасение". "Пробуждение" - это то, что произошло с Джанакой когда он слушал слова Аштавакры: внезапное совпадение интеллектуального понимания и интуитивного постижения, в котором расщепление ума в относительности на субъект и объект внезапно исчезло и ум возвратился к своей изначальной цельности, таким образом создав немедленную безвременность через мгновенное прерывание последовательной длительности. Это ясно означает то, что ни одно действие или процесс, основой которых является длительность, никак не может вызвать внезапное прекращение или прерывание в своем собственном временном функционировании.

Именно гуру действует в качестве катализатора, вызывающего необходимое исцеление расщепленного ума через непосредственное вневременное вторжение в подходящий момент, когда происходит устранение последовательной непрерывности. И это является очевидным, что такой подходящий момент никак не мог бы быть создан посредством волевого усилия в контексте пространственно-временной длительности. Такой подходящий момент может лишь произойти как часть ноуменального функционирования тотальности, лишь тогда, когда самому "просветлению" приходит время как части Того-Что-Есть в эту кшану, или долю секунды.

Безобъектные отношения, в силу самой своей природы, приводят к таким двум результатам:

а) концептуализация прекращается

б) жизнь проживается спонтанно, без волеизъявления

Вот о чем говорит Джанака в этих стихах. Он осознал то, что хотел донести до него Аштавакра: что концептуализация, или объективация, - это то, что препятствует нашему постижению Того-Что-Мы-Есть на самом деле. Если мы прекратим создавать объекты в уме, мы перестанем видеть то, чем мы не являемся, и постигнем то, Что-Мы-Есть. Такое постижение того, Что-Мы-Есть и является тем просветлением, к которому человек так стремится. Это пробуждение от сновидения объективной вселенной к ноуменальной действительности того, Что-Есть, которое предшествует всем мыслям, всем проявлениям концептуализации. Говоря кратко, все, что сказал Аштавакра, а Джанака осознал - это то, что до тех пор, пока мы концептуализируем, мы выталкиваем себя "из" своей ноуменальности, и как только мы прекращаем концептуализацию, мы оказываемся "в" ноуменальности. После того, как это было сказано (и даже это является концептуализацией!), можно добавить, что концептуализация - это не такого рода препятствие, которое можно было бы чем-то заменить или устранить какой-то противодействующей силой. Действительно, любое положительное действие может лишь усилить это препятствие, поскольку оно и возникло как раз из-за положительного действия концептуализации; прекращение концептуализации - это все действие, некоего рода отрицательное действие, которое необходимо.

Основа, на которой покоится вся концептуализация - это ошибочное отождествление того, Что-Я-Есть (то есть субъективности) с тем, чем-Я-кажусь как объект. Именно предполагаемая обособленная сущность, "я", принимает на себя ответственность за действия (и последующие страдания и несчастья). Если происходит отказ от этого

ложного отождествления, сама основа концептуализации оказывается разрушенной. Как же тогда, как говорит Джанака, концептуализация может иметь место, если она потеряла свою главную опору? Очевидная трудность растождествления заключается в том, что мы в действительности представляем собой чувствительность, субъективную способность, "Я", но при этом мы забываем чувствующий элемент как чувствующее существо и отождествляемся с индивидуальной сущностью. Все, что необходимо - это понять существующую ситуацию. Вначале наблюдайте ошибочное отождествление хотя бы интеллектуально. Когда такое интеллектуальное рассуждение (диалектическое понимание) становится все глубже и глубже и достигает стадии абсолютной убежденности, оно вызывает уход в безличность, определенное ослабление ложного отождествления. Это порождает концептуальную негативность, которая создает ряд условий для окончательного устранения "я" и проявления того, что называется "пробуждением", или "просветлением", или как-то еще. Вы могли бы, если предпочитаете, назвать этот процесс "усилием", но все дело в том, что сам этот процесс является обязательно процессом отрицательного рода. Он означает просто понимание ситуации. Это не положительное усилие "индивидуума" с сознательным намерением вызвать некий положительный результат. Все, что происходит, - это то, что интеллектуальное или диалектическое понимание, если ему позволено функционировать, постепенно превращается в убежденность. Это в свою очередь создает необходимое психосоматическое условие для того, чтобы ноуменальное понимание могло внезапно произойти в должное время и при должных обстоятельствах. Расщепленный ум тогда вновь обретает свою целостность и святость.

Такая внезапная трансформация - метаноэзис - известная под различными именами, такими как "пробуждение" или "просветление", означает в действительности субъективное переживание ощущения "Я". Именно это субъективное переживание Джанака и выражает в этих последних трех стихах, отражающих его непосредственную реакцию на первую часть наставлений своего гуру. Растождествление с телом привело к разрушению "я", а с ним - и желаний, волеизъявления и жажды жизни. Итак, как говорит Джанака, когда больше нет желаний и жажды жизни, сама основа, или фундамент, концептуальной связанности получил трещину.

"О, во Мне, безграничном океане, движение в уме породило множество миров, подобно тому, как ветер порождает множество волн в океане". (43)

"Во Мне, безграничном океане, когда ветер стихает и ум становится тихим, к сожалению для торговца в форме индивидуальной личности, корабль концептуальной вселенной идет ко дну". (44)

"Как замечательно! Во Мне, безграничном океане, волны индивидуальных "я" возникают в соответствии с присущей им природой, встречаются и играют одна с другой некоторое время, а затем исчезают". (45)

В этих трех стихах, Джанака ясно показывает, что он совершил уход в безличность, и в состоянии безобъектных отношениях он видит вселенную как спонтанное возникновение в Сознании. В субъективном "я" (ноуменальной потенциальности) возникает явление феноменальной вселенной, включая живых существ, которые возникают и исчезают как неотъемлемые части этой феноменальности.

Эти стихи ясно указывают на то (и все Мастера недвусмысленно заявляли это), что никакой объект не имеет какой-либо собственной природы, никакой объект не имеет объективного существования. Это означает, что все, чем является любой объект - это его

явленное восприятие. Он не имеет собственной природы. Он представляет собой лишь видимое проявление, подобно волне на поверхности океана.

Как только наступает убежденность в том, что "я", как феноменальный объект - это лишь то, что воспринимается и интерпретируется другим феноменальным объектом, это "я", как некий конкретный феноменальный объект, будет действовать в соответствии с присущими ему наклонностями (обусловленными окружением), ибо оно не имеет собственной независимой природы. Другими словами, когда понимание будет реализовано на практике, больше не будет ни "субъекта", ни "исполнителя", который был бы ответственен за то или иное действие. Если есть полное понимание, то, практически, не может быть ничего, кроме простого наблюдения (свободного от вынесения суждений) всех действий, происходящих через посредство конкретного аппарата тела-ума. При отсутствии "я" все действия становятся спонтанными, естественными, ноуменальными - частью функционирования тотальности. Происходит ясное осознание дуального характера субъективного "Я", функционирующего через психосоматический аппарат "я", и, таким образом, псевдо-субъективность "я" не может быть главенствующей. Это "я" рассматривается как крючок (коим оно и является), на который каждый наблюдающий вывешивает свои впечатления данного момента, искренние и ли нет. Чрезвычайно важно отметить, что это понимание согласует дуальный характер ноуменального "Я", функционирующего через это феноменальное "я". Такая дуальность ясно распознается как лишь некий механизм, необходимый для того, чтобы тотальность могла функционировать как наблюдающий объект и наблюдаемый объект, и она полностью отлична от дуализма, существующего между "я" и "другие" и являющегося самой основой концептуальной связанности. Конечной истиной является это "Я", субъективно и непременно лишенное множественности. Лишь в качестве концепции "я" может казаться единичным. Это на самом деле означает, что связанность и отождествление с сущностью представляют собой один и тот же феномен. Что еще важнее, при отсутствии сущности, нет и "я", которое бы "делало" что бы то ни было.

Конечно, видимая феноменальная вселенная находится в зависимости от того, что видится как действие. "Наша жизнь" (на самом деле, "наша проживаемость") и есть это явленное функционирование. Поэтому и говорят, что Будда "проповедовал 49 лет, но ни одно слово не слетело с его губ", а мудрец Васишта был "нитья брахмачари" (убежденный сторонник безбрачия), будучи отцом сотен детей".

Хотя Аштавакра, должно быть, чрезвычайно удовлетворен таким спонтанным ответом своего зрелого ученика, он знает, что значимым и важным является именно применение этих доктрин в повседневной жизни. Поэтому в последующих стихах убеждает Джанаку в необходимости выяснить, применил ли он это знание в своей повседневной жизни, принял ли он тот факт, что он не может существовать - и не существует - как сущность. В четырнадцати стихах Аштавакра просит Джанаку проверить себя самыми разными путями, чтобы увидеть, действительно ли он усвоил урок или же он просто повторяет слова своего гуру. Он, хочет, чтобы Аштавакра сам выяснил это.

Глава 3

В следующих четырнадцати стихах Аштавакра пытается убедиться в искренности заявленного просветления. Он указывает на жизнь Джанаки как царя и правителя, и приводит различные обстоятельства, которые могут рассматриваться как серьезные пробелы в жизни и поведении человека, который якобы является освобожденным, и он ставит Джанаку в такое положение, в котором тот должен объяснить свое отношение к

жизни. Другими словами, Аштавакра становится адвокатом дьявола с целью определения, действительно ли ученик понял его учение во всех его тонкостях и кажущихся противоречиях.

"Как же так, что достигнув понимания своей истинной природы как безмятежного неразрушимого Единого, ты продолжаешь оставаться привязанным к приобретению богатства?" (46)

"Привязанность к иллюзорным объектам чувств возникает из неведения относительно Высшего Я, так же, как жадность к серебру возникает из иллюзии, вызванной перламутром». (47)

"Познав, что ты есть То, в чем возникает эта феноменальная вселенная, подобно волнам в океане, зачем ты бродишь как жалкое существо?" (48)

"Услышав о том, что твое истинное Я - несравненно прекрасный Ноумен, как ты можешь сохранять привязанность к чувственным объектам и, таким образом, унижать свое достоинство?" (49)

"Было бы странно, если бы ощущение "мое" продолжало господствовать в мудреце, достигшем осознания того, что Высшее Я пребывает во всех существах, и все существа - в Я". (50)

"Во истину, странно было бы, если бы некто, пребывающий в высшей трансцендентальной не-дуальности и нацеленный на освобождение, был бы подвержен похоти и ослаблен любовными похождениями". (51)

"Странным фактом этого мира является то, что человек, будучи физически слабым и явно достигнув предела жизни, стремится к чувственным наслаждениям, даже зная, что похоть - враг знания". (52)

В этих семи стихах Аштавакра обвиняет Джанаку в том, что тот все еще привязан к чувственным удовольствиям. В следующих же стихах, он приступает к испытанию Джанаки в других областях.

"Странно, что тот, кто якобы развил бесстрашие к этому миру и следующему, кто якобы умеет различать вечное и преходящее и стремится к освобождению, все еще боится растворения тела". (53)

Это важный стих, выявляющий силу эго и сущности. Аштавакра использует одно и то же слово для обозначения как "освобождения", так и "растворения тела", подразумевая, что не может быть освобождения без растождествления с телом. На самом деле, отождествление с телом в виде эго является настолько сильным, что люди принимают идею растворения тела как нечто неизбежное, но желая при этом, чтобы обособленная личность продолжала существовать даже с другим телом. Отсюда настоящий интерес к перерождению, душе и к вопросу о том, что происходит после смерти.

В вопросе смерти существует глубокое непонимание, и Аштавакра подразумевает в этом стихе, что те, кто могут делать различие между вечным и преходящим, не должны быть подвержены такому ошибочному пониманию. И жизнь, и смерть - это все концепции, одно является отсутствием другого. Нет ничего подобного тьме, которая представляет собой лишь отсутствие света. Смерть - это лишь то, что видится как отсутствие жизни, но

как таковой, смерти нет. Сама жизнь - это лишь концепция, растянутая в пространстве-времени, и, следовательно, этим же является и смерть. Есть феноменальное проявление «существования» и «умирания», но не может быть никакой реальной сущности, которая была бы тем, кто проживает жизнь или умирает во время смерти. То, Что-Мы-Есть (Сознание) проявлено в пространстве-времени как видимость «существования», а функционирование всех таких видимостей составляет то, что мы называем «жизнью», которая сама является концепцией. Эта видимость «существования» исчезает в видимости «умирания», но понимание основного различия между вечным и преходящим должно включать в себя тот факт, что то, Что-Мы-Есть не может ни «жить», ни «умереть». Джнани полностью игнорирует преходящие концепции как жизни, так и смерти и пребывает в ноуменальном присутствии, которым мы все являемся. Говоря кратко, что может умереть? Лишь то, что было рождено. А что рождается? Лишь «материя». Следовательно, лишь «материя» может родиться и может умереть.

«Чествуют его и ублажают, или же его донимают и злят, пребывающий в безмятежности, постигший Высшее Я, ни радуется, ни огорчается». (54)

«Мудрый наблюдает действия своего собственного тела так же, как он наблюдает действия любого другого тела. Как же он может тогда быть подвержен похвале или поруганию?» (55)

«Как может безмятежный, зная, что феноменальная вселенная - это лишь иллюзия, и будучи лишенным какого-либо любопытства относительно нее, быть подверженным страху даже при приближении смерти?» (56)

«С кем мы можем сравнить наивысшее существо, пребывающее в Сознании, испытывающее полную удовлетворенность и не желающее ничего, даже освобождения?» (57)

«Зачем безмятежному, осознающему пустотность всех феноменальных объектов, иметь какие-либо предпочтения относительно вещей, рассматривая их как приемлемые или неприемлемые?» (58)

«Тот, кто отбросил концептуализацию и, следовательно, свободен от привязанности к чувственным объектам, пребывающий вне взаимозависимых пар противоположностей и свободный от волеизъявления, принимает с невозмутимостью все, что бы не выпадало ему в ходе жизни». (59)

В этих прекрасных стихах Аштавакра рисует портрет просветления, трансформации из феноменального «я» в ноуменальное «Я», где восприятие стало полностью независимым от объектов - говоря кратко, существование и функционирование всех феноменальных объектов (включая себя) просто наблюдается, абсолютно безличностно, без вовлечения и оценивания. Другими словами, расщепленный ум относительной дуальности был трансформирован в целостность абсолютной ноуменальности.

Аштавакра говорит Джанаке, что именно это и происходит в действительности, когда наступает истинное пробуждение, настоящее просветление. Посмотри сам, случилось ли это, предлагает он.

Существенным моментом в этой проверке является не сама проверка, а ее необходимость. Суть Истины в переживании ее. Как говорил Нисаргадатта Махарадж, Я есть истина, имея в виду под этим, что переживание Истины преобразовало «я» в Я, феноменальный объект

- в ноуменальный субъект. (На самом деле никакой трансформации как таковой не происходит, это скорее стирание ложной личности, которая оказалась наложенной на чистое сознание). В любом случае, Истина, когда происходит ее концептуализация и озвучивание (кем бы то ни было) перестает быть Истиной и становится концепцией. Подобного рода трансформация должна произойти в ученике, и гуру считает своим долгом подвергнуть ученика «проверке» относительно его реакции на слова учителя (указатели на Истину), чтобы определить, есть ли у ученика необходимая восприимчивость. Проверка ученика таким образом, гуру озабочен не столько собственной способностью передать знание, сколько способностью ученика понять это знание и впитать его. В действительности именно проявление очень глубокого сострадания - каруны - заставляет гуру так сильно желать, чтобы просветление произошло с его учеником.

(продолжение следует...)